

Цзянь Чжэнь резко остановился, удивлённо вскинув взгляд на стоящего рядом.

Луч закатного солнца скользнул по плечу Сянь Хуана. Бессмертный смотрел на него из-под опущенных ресниц; в этих спокойных, безмятежных глазах — будто тысячетлетняя тишина заснеженных гор, и всё же в глубине пряталась свойственная лишь ему ледяная, режущая резкость.

На бледном, нежном лице Цзянь Чжэня отразилось неподдельное ошеломление. Он тихо выдохнул:

— Значит, ты меня узнал...

Сянь Хуан ответил:

— Водяное Зеркало на миг показало твою истинную форму. К тому же от тебя всё ещё исходит запах моего сердечной крови. Как же я мог не узнать?

Цзянь Чжэнь моргнул, словно внезапно всё понял.

Точно...

Он ведь испил его сердечную кровь.

Послушно кивнув, он прошептал:

— Прости меня.

Юноша, выглядящий таким юным и беззащитным, склонил голову. Его мягкие волосы послушно обрамляли лицо, а белая шея сияла, как лучший овечий нефрит. Смирный, тихий, кроткий — он и сейчас напоминал ту крохотную травинку, скромно тянущуюся к свету, вызывая нежность и желание оберегать.

Сянь Хуан тяжело вздохнул в душе, но всё же сказал:

— Ладно. Я не в обиде. Я лишь беспокоюсь о твоей безопасности.

Цзянь Чжэнь поднял лицо. Его тёмные глаза смотрели прямо, искренне, без единой тени лукавства:

— Я не хотел заставлять тебя волноваться.

Сянь Хуан давно решил, что в этот раз непременно будет строг, объяснит ему, насколько опасно для юной, едва пробившейся травинки носиться по трём мирам без разбора. Но стоило встретиться с этими глазами — и все запасы строгости растаяли, словно снег под весенним солнцем. Он так и не смог произнести ни одного укоризненного слова.

Вечерний ветер ласково скользил по склону горы.

В бамбуковой роще шелестели падающие листья — словно снег с Духовной Горы, тихий, успокаивающий, обволакивающий сердце.

Сянь Хуан отвернулся, спокойно произнёс:

— Ладно. Главное, что с тобой всё в порядке.

Цзянь Чжэнь внимательно посмотрел на него:

— Сянь Хуан... ты больше не злишься?

Сянь Хуан едва заметно кивнул.

Он ожидал, что после такого Цзянь Чжэнь поймёт опасность, скажет хоть пару слов покаянного осмысления.

Но вместо этого...

Юноша поднял к нему своё светлое лицо и с надеждой спросил:

— Тогда... можно мы всё-таки пойдём искать столовую? Я ужасно хочу есть.

«...»

Сянь Хуан молчал так долго, что тишина стала нагнетающей.

Лишь спустя мгновение он выдохнул:

— Пойдём.

Двое исчезли почти без следа — и возникли вновь уже внутри просторного помещения. Комната была широкой, светлой, с изысканной обстановкой: каждая вещь здесь была одновременно драгоценной и со вкусом подобранной.

Сянь Хуан сказал:

— Отдохни немного здесь. Еду скоро принесут.

Цзянь Чжэнь не стал рассматривать роскошь вокруг — только послушно сел, налил себе воды из чайника и тихо кивнул:

— Хорошо.

Через короткое время явился слуга, принёс роскошные блюда и почтительно удалился.

Цзянь Чжэнь, давно изголодавшись, тут же взял палочки и начал есть, как только дверь за слугой закрылась.

Сянь Хуан задал ему несколько вопросов, и Цзянь Чжэнь честно отвечал: сказал, что очнулся в лесу за пределами Тяньшуэя, только умолчал о том, как ломило всё тело.

В конце концов, он же не станет спрашивать:

«Сянь Хуан, а... это ты со мной даосский обряд проводил? Вдвоём?»

Да что за позор! Листочки бы свернулись от стыда — как такое вообще можно вслух сказать?!

Сянь Хуан, выслушав, медленно поставил чайную чашу на стол. Задумался, и лишь спустя мгновение произнёс:

— Что ж... должно быть, такова воля судьбы.

Цзянь Чжэнь, проглотив очередной кусочек, удивлённо спросил:

— Что?

Тёплый пар от чая стелился в воздухе тонкой дымкой, и на лице Сянь Хуана отразилось что-то ещё более неземное, чем обычно — словно его очертания растворялись в лёгком свете.

Будто приняв решение, он посмотрел прямо на Цзянь Чжэня:

— Древняя Божественная Гора — Ваньмейшань — раз в десять миллионов лет приходит в смятение. Каждый такой раз духи небес и земли переплетаются заново. Следующее пробуждение должно было случиться примерно через год, но двести лет назад я почувствовал неладное и отправился проверить. Там... я нашёл тебя.

Цзянь Чжэнь моргнул, поражённый:

— Нашёл... меня? Как?

Он же всего лишь маленькая, ничем не примечательная травинка!

Как же... такой, как он... мог попасться ему на глаза?

Сянь Хуан, будто уловив его мысли, негромко усмехнулся:

— Любое существо, рождённое на Ваньмэйшане, не может быть обычным. Тем более что на этой горе за многие миллионы лет не проросло ни единого стебелька, не выжило ни одной живой души. Она скрыта туманами на самом краю трёх миров... и всё же смогла взрастить одно-единственное семя. Разве это не само по себе нечто необычное?

Рука Цзянь Чжэня с застывшими в воздухе палочками дрогнула. Он застыл, задумчиво уставившись в пустоту.

Сянь Хуан решил, что тот обеспокоен своим происхождением, уже раскрывал рот, чтобы успокоить, но услышал совсем иное:

— Значит... эта гора несчастная.

Тишина рухнула, как снег.

Сянь Хуан спросил:

— Почему ты так считаешь?

С наступлением ночи в комнате дрогнул оранжевый свет свечи. Его отблеск лёг на плечи Цзянь Чжэня, подчёркивая нежный профиль юноши. В его чистых, мягких глазах не было ни благоговения, ни страха, который испытывали обычные люди, слыша о Древней Божественной Горе. Взгляд был... сострадающим. Тёплым. Как будто он смотрел на сам мир с тихой, доброй жалостью.

Цзянь Чжэнь серьёзно подумал, наклонил голову и мягко сказал:

— Я просто подумал... Если это древняя Божественная Гора, значит, она живёт очень-очень долго. И всё это время на ней не было ни одного живого существа... Наверное, ей очень одиноко.

Сянь Хуан, сидевший неподвижно, наконец тихо рассмеялся:

— Если смотреть с этой стороны... выходит, ты прав.

Просто обычно люди видят в таких местах лишь величие и святость.

Ещё никому не приходило в голову задуматься так, как он.

— Если так рассуждать, — добавил Сянь Хуан, чуть повернув голову, его глаза смягчились, — то твоё появление возле Тяньшуэй рядом с Ваньмэйшань совсем не удивительно. Может быть... она хотела тебя увидеть.

Цзянь Чжэнь вздрогнул так резко, что едва не выронил палочки.

Сянь Хуан тут же сказал:

— Гляди, испугался... Я ведь просто подшутил. Эта древняя гора спит уже миллионы лет — источник всего сущего. Да разве она станет на тебя, маленькую травинку, как-то влиять?

Только тогда Цзянь Чжэнь облегчённо выдохнул.

Вот это да... чуть не умер от испуга! Возвращаться на пустынную гору без единой живой души? Да он бы от скуки там завял! Это же страшнее, чем сидеть сотню лет в цветочном горшке!

Стол ломился от изысканных блюд. Цзянь Чжэнь съел пару ложек каши, а затем потянулся за кусочком поджаренного мяса, опустил его в вино. Мясо было слегка недожарено — от него исходил металлический запах крови.

И едва он положил его в рот...

Из желудка стремительно поднялась волна тошноты — такая резкая, что он не успел даже сообразить.

Цзянь Чжэнь рывком вскочил, поспешно выбежал наружу и вырвал съеденное. Больше ничего не выходило — лишь болезненные сухие спазмы. Он тяжело дышал, медленно приходя в себя.

Сянь Хуан подошёл за ним. На его обычно холодном, спокойном лице впервые проступила лёгкая тревога. Он нахмурился:

— Что с тобой?

Глаза Цзянь Чжэня чуть покраснели. Он поднялся и тихо сказал:

— Прости... я тут...

— Это неважно, — Сянь Хуан взял его за руку. — Скажи, за то время, пока меня не было... ты получал какие-то травмы?

Он увёл Цзянь Чжэня обратно в помещение.

Но стоило тому снова бросить взгляд на поджаренное мясо на столе, как к горлу опять подступила волна тошноты.

Цзянь Чжэнь быстро покачал головой:

— Наверное, я просто слишком проголодался... вот и...

Сянь Хуан провёл его в соседнюю комнату и усадил на мягкую лежанку. Сам сел рядом — ровно настолько близко, чтобы не оставить пространства для отказа — и голос его был ласков, но непреклонен:

— Положи руку на стол.

Цзянь Чжэнь не посмел спорить и послушно положил ладонь.

В комнате воцарилась полная тишина.

Белая, хрупкая кисть Цзянь Чжэня лежала перед ним — тонкие запястья, почти прозрачная кожа. Повелитель осмотрел его, пальцы Сянь Хуана коснулись его пульса... и выражение бессмертного внезапно стало суровым. Неслышная волна духовного давления расплзлась по комнате, холодная, тяжёлая, угрожающая. Воздух вокруг задрожал. Для смертного такое было бы невыносимо — даже для травинки, что сидела так тихо рядом.

Пальцы Цзянь Чжэня дрогнули.

И в тот же миг Сянь Хуан спохватился — мгновенно отозвал давление. Черты его вновь стали холодными и неподвижными.

Цзянь Чжэнь тревожно поднял взгляд:

— Я... я болен?

— Нет, — ответил Сянь Хуан.

Но кто же поверит такому ответу с таким лицом? Цзянь Чжэнь был наивен, но не глуп:

— Правда? — спросил он всё более испуганно. — Это... это не какая-нибудь страшная болезнь? Ничего... ничего страшного, правда. Ты просто скажи. Я пойму...

Он уже почти расплакался от страха, когда Сянь Хуан наконец поднял глаза:

— Не бойся. Это не страшная болезнь.

Цзянь Чжэнь едва не выдохнул облегчённо.

Но в следующее мгновение Сянь Хуан спокойно, холодно, совершенно серьёзно сказал:

— Ты просто беременный. Судя по сроку — около двух месяцев и около того.

Цзянь Чжэнь: ???!

Ч-ч-что???!!

Маленькая травинка, сидевшая у стола, была потрясена до корней!!

А взгляд Сянь Хуана стал мрачнее. Лицо оставалось спокойным, но кончики пальцев излучали ледяное, хищное раздражение. Он спросил всё тем же спокойным тоном:

— Скажи мне... кто тебя обидел?

Цзянь Чжэнь побледнел ещё сильнее.

Ведь той ночью он действительно ничего не помнил — проснулся с раскалывающейся головой и полным провалом в памяти. Он знал только одно: он точно провёл даосское слияние с одним из двух практикующих в уединении.

Он знал... но никак не решался признать, с кем именно.

И теперь, глядя на выражение Сянь Хуана, его сердце сжалось. Он колебался, жалобно мял пальцы, и наконец едва слышно спросил:

— В ту ночь... это... это был... не ты?

<http://bllate.org/book/12641/1121227>